

**А.П.Корелин С.Ю.Витте и бюджетно-финансовые реформы.
Отечественная история, 1999, №3, с.42-63.**

17 июня 1999 г. исполняется 150 лет со дня рождения Сергея Юльевича Витте - выдающегося государственного деятеля России, оставившего глубокий и яркий след в отечественной истории рубежа XIX-XX вв. Видный представитель формировавшегося российского менеджмента, европейской известности "тарификатор" в железнодорожном деле, глава Министерства путей сообщения, многолетний и влиятельнейший министр финансов, первый председатель объединенного кабинета министров – таковы важнейшие вехи его непростой деловой и служебной карьеры, в которой и блестящие взлеты чередовались с периодами монаршей опалы, победы - с поражениями. По инициативе Витте и при его непосредственном участии были проведены крупные преобразования, давшие мощный импульс процессу модернизации российской экономики, социального и политического строя страны.

В современной историографии сложилась довольно-таки странная ситуация: исследователи, изучающие историю реформ последнего царствования, основное внимание уделяют деятельности П.А. Столыпина - последнего из "могикан" череды известных российских реформаторов. Преобразования же его предшественника, оставившего не менее, а, пожалуй, даже более заметный след в российской истории, остаются до сих пор как бы в тени. В отечественной и зарубежной литературе, так или иначе касающейся деятельности Витте, преобладают исследования общего характера, анализирующие процессы социально-экономического и политического развития страны конца XIX - начала XX в., основные направления правительственной политики и их итоги. Среди же немногочисленных трудов, посвященных специально Витте, преобладают работы очеркового характера или рассказывающие об отдельных сторонах его жизни и деятельности. Между тем при всей неоднозначности и противоречивости оценок, свойственных работам и его современников, и позднейших исследователей, безусловно одно — опыт виттевских преобразований сохраняет актуальность и для современной России, вновь вступившей на путь экономической и политической модернизации и столкнувшейся, по сути, со все теми же проблемами. Одной из таких проблем была и остается необходимость подведения под программу преобразований финансово-экономической базы, требовавшей прежде всего пересмотра бюджета, его доходных и расходных статей.

Возглавив в конце 1892 г. Министерство финансов, Витте сразу же столкнулся с рядом сложнейших проблем. Как известно, в условиях резко обострившейся в конце XIX в. конкуренции среди мировых держав и нараставших трудностей в социально-экономической жизни страны перед Россией со всей неотложностью встала задача усиления своего экономического потенциала и прежде всего - значительного повышения темпов индустриализации. Решение этой задачи взяло на себя государство, стремясь, как это уже стало традиционным, канализировать процесс капиталистической модернизации империи. Витте, ведомство которого непосредственно занималось разработкой и реализацией торгово-промышленной политики, постарался придать этой проблеме характер национальной сверхзадачи, добиваясь ее приоритетного финансирования. Однако с первых же шагов на новом для него поприще стало очевидным, что осуществление намеченной программы невозможно без подведения под нее прочной финансовой базы. А это требовало упорядочения всей финансовой системы и прежде всего - государственного бюджета. Последний же, особенно после страшного неурожая и голода 1891/1892 гг., потребовавших от казны для организации помощи населению 162 млн. руб. прямых расходов, сводился с большим трудом.

Вышнеградский - предшественник Витте на посту министра финансов - пытался бороться с бюджетным дефицитом, проводя политику всемерной экономии, в чем его поддерживал Александр III. И Витте, особенно в первые годы своего министерства, во многом следовал ей. В частности, он продолжил линию на конверсию и частичный выкуп внешних и внутренних займов, стремясь сократить расходы по государственному долгу. С 1888 по 1893 г. было конвертировано и выкуплено займов на довольно значительную сумму - 876 млн. руб. золотом, 38 млн. руб. серебром и 454 млн. кредитных руб. Все внешние займы (6%-ные, 5,5%-ные, 5%-ные и 4,5%-ные) были конвертированы в 4%-ные, причем за счет некоторого удешевления ссудных капиталов вновь выпущенные ценные бумаги превысили стоимость конвертированных на 10%. К концу 1894 г. размер ежегодных платежей по займам сократился, составив 13,4 млн. руб. золотом и 30 млн. кредитных руб. Большая часть внутренних займов была унифицирована и переведена в 4%-ную государственную ренту. Витте и впоследствии придерживался этой линии: в 1889-1899 гг., по данным госконтроля, было выкуплено и конвертировано займов на номинальную сумму в 3 393 млн. руб. и погашено беспроцентных долгов на 431,8 млн. руб. Были заключены и новые займы, в результате чего государственный долг увеличился более чем на 1 млрд. руб. (с 5,2 млрд. в 1889 г. до 6,3 млрд. руб. в 1899 г.). Как достижение Министерства финансов, госконтроль отметил, что сумма платежей по долгам увеличилась лишь на 33 млн. руб., а сумма срочного погашения уменьшилась на 16,4 млн. руб.

Вскоре Витте, используя обильные урожаи 1893-1894 гг., удалось несколько выправить положение. Но он отчетливо понимал, что сдержанность в расходах и курс на "узкий финансизм" бесперспективны. В первом же своем всеподданнейшем докладе он писал, что финансовое хозяйство страны, уже в силу исторических условий и особенностей ее государственного строя, "не может замкнуться в строго определенных общепризнанных рамках" и что сдержанность в бюджетных расходах имеет свои пределы, за которыми она "может угрожать серьезными затруднениями нормальному развитию гражданской и экономической жизни страны". Целью финансовой политики должно быть "разумное содействие экономическим успехам и развитию производительных сил", что является неперенным условием прочности государственных финансов, экономики и благосостояния населения. Развивая мысль о необходимости производительного расходования бюджетных средств, он писал в следующем докладе, что правительство, в частности, должно иметь возможность "широко воздействовать на народную промышленность, направляя ее в ту или другую сторону, соответственно общегосударственным потребностям". Эта многоплановость, как мы увидим, была присуща всей его финансовой политике.

Стремясь упорядочить структуру бюджета, его доходные и расходные статьи, Витте добился более четкого разграничения чрезвычайного и обыкновенного бюджетов, до того носившего случайный характер. Чрезвычайный бюджет, обычно державшийся в секрете и фактически являвшийся бесконтрольным, в своей доходной части процентов на 90 состоял из внешних и внутренних займов; расходные же статьи его предусматривали ассигнования на военные нужды, железнодорожное строительство и на ликвидацию последствий стихийных бедствий (неурожаи, голод, эпидемии и т.п.). По закону 4 июня 1894 г. бюджет становился более "прозрачен", с большей определенностью и четкостью подразделяя чрезвычайную и обыкновенную части. Источниками чрезвычайных доходов по-прежнему оставались в основном заемные средства, а также "свободная наличность" казначейства, получавшаяся в результате превышения обыкновенных доходов над расходами. В расходной части чрезвычайного бюджета оставались расходы на ведение военных действий, а также затраты на выкуп в казну частных железных дорог, на сооружение новых линий и обеспечение их подвижным составом. Все прочие ассигнования вносились в расходную часть обыкновенного бюджета. Позднее, по закону 22 мая 1900 г. сюда же были отнесены расходы по обновлению вагонного и паровозного парка казенных дорог. Учитывая, что суммарный российский бюджет и при Витте часто сводился с дефицитом - в основном за счет чрезвычайной его части, — принятые меры должны были, во-первых, полнее и точнее представить картину состояния хозяйственной жизни страны и ее динамику и, во-вторых, создать имидж России на мировом денежном рынке как страны со здоровой развивающейся экономикой и как вполне кредитоспособного партнера. К тому же это еще более укрепляло и без того влиятельные позиции Министерства финансов.

Создание фонда "свободной наличности" казначейства, а не просто достижение превышения доходов над расходами стало другим важным направлением работы Витте над структурой бюджета. Попытки создания таковой из бюджетных "остатков" предпринимались еще его предшественниками, но при нем эта идея становится одной из ведущих в политике Министерства финансов. Первоначально накопление свободных средств было для Витте одной из мер противодействия консервативным устремлениям Государственного совета, а затем стало обычной нормой проектирования и реализации бюджета и орудием проведения экономической политики. Механизм получения "свободной наличности" был довольно прост: составители росписи весьма "осторожно" определяли ее доходные статьи, заведомо преуменьшая их, и столь же экономно распределяли ассигнования по ведомствам. В результате этой нехитрой на первый взгляд комбинаций превышение обыкновенных бюджетных доходов над расходами составляло: в 1892 г. - 57 млн. руб., в 1896 г. - уже 139,7 млн., в 1898 г. - 220 млн., в 1900 г. - 208 млн. и в 1903 г. - 161 млн. руб. Всего же за время виттевского министерства эта сумма составила более 1,8 млрд. руб. Результаты по тем временам были весьма впечатляющими. И, конечно, только "фокусничаньем с цифрами", в чем обвиняли министра его оппоненты справа и слева, да и советские исследователи в недавнем прошлом, этот факт не объяснить. Эти средства направлялись, в основном, на строительство казенных железных дорог, а затем и на усиление резервов Государственного банка, предоставляя Министерству финансов более широкие возможности для ведения активной экономической политики.

Каковы же были источники пополнения государственного бюджета? Первые шаги Витте на новом поприще, казалось бы, ничем не отличались от мер его предшественников и рассчитаны были на поиски дополнительных возможностей для увеличения бюджетных поступлений. Фактически же они были далеко не ординарны, и цели, преследовавшиеся при этом предприимчивым министром, имели далеко не только фискальное, но и финансово-хозяйственное и даже политическое значение.

Одним из таких источников, не столько по абсолютному и относительному вкладу в бюджет, сколько по его роли в экономической политике Министерства финансов, стали внешнеторговые таможенные пошлины. Стремление улучшить финансовое положение казны за счет увеличения положительного

сальдо внешнеторгового баланса, в частности за счет повышения ввозных пошлин, было традиционным и вполне естественным для всех стран и правительств. Постепенно, помимо сугубо фискальных задач, целью такой политики становилась и защита нарождающейся национальной промышленности. Россия в этом плане не составляла исключения. В пореформенные десятилетия, после временных фритредерских увлечений М.Х. Рейтерна, наблюдалось постоянное увеличение ввозных пошлин на важнейшие промышленные изделия, а также на уголь, чугун, железо и т.п. В 1877-1880 гг. уровень таможенного обложения составлял в среднем 16,1% стоимости ввезенных товаров, а в 1885-1890 гг. - уже 28,3%. Еще Н.Х. Бунге прославился как зачинатель охранительного направления таможенной политики. Его продолжил И.А. Вышнеградский. При нем новшеством было то, что он перешел от сугубо охранительной к последовательно покровительственной таможенной системе пошлин, стремясь привести ее, согласно прямому указанию Александра III, "в надлежащее соответствие с современными нуждами русской промышленности и равномерного ограждения и оживления всех ее отраслей". В 1891 г. был принят почти запретительный таможенный тариф, по которому обложение импорта достигало в среднем 33% его стоимости, а по некоторым товарам - даже 100%. Витте принимал активнейшее участие в разработке новых тарифных ставок, которые были введены с 1 июля 1891 г. Этот тариф, как отмечали современники, превосходил "все, что когда-либо было сделано в Европе в смысле таможенной охраны".

Министерство финансов и впоследствии придерживалось высоких ставок при обложении импортируемых промышленных товаров, преследуя и фискальные, и покровительственные для отечественной промышленности цели. Но такие меры встречали ответные действия со стороны торговых партнеров, что не могло не сказываться на торговом балансе России. Чтобы увеличить экспорт, необходимо было отказаться, хотя бы частично, от крайностей протекционизма. И Витте вводит принципиально новые начала во внешнеторговую политику, существенно модернизируя ее. Таможенные тарифы ранее вводились обычно как автономные, т.е. единые и одинаковые для всех торговых партнеров России. Между тем на Западе с 80-х гг. XIX в. получили распространение системы дифференцированных, "конвенционных" таможенных тарифов, применявшихся к партнерам в зависимости от встречного благоприятствования их таможенной политики, на основе двусторонних торговых договоров. Учитывая это обстоятельство, Витте уже весной 1893 г. добился принятия закона, согласно которому тариф 1891 г. признавался нормальным, а министру финансов предоставлялось право, с санкции царя и по согласованию с министром иностранных дел, при необходимости повышать ставки тарифа для стран, не оказывавших России наибольшего благоприятствования в ее экспорте, особенно хлебом.

Прежде всего эти новые правила были применены в отношении Германии, которая в ответ на тарифы 1891 г. ввела повышенные пошлины для российского экспорта. Разгорелась ожесточенная российско-германская таможенная война, грозившая большими экономическими и политическими осложнениями. Витте пугали неизбежным поражением, подталкивали его к уступкам. Особенным нападкам он подвергался со стороны помещиков и торговых фирм, для которых Германия была главным экспортным рынком. Однако, заручившись поддержкой Александра III и располагая сведениями об экономических затруднениях самой Германии, министр финансов сумел довести дело до заключения в январе 1894 г. специального российско-германского торгового договора. Пойдя на ряд тактических уступок, он смог сохранить возможно выгодный для России внешнеторговый оборот с Германией и при этом отстоять сравнительно высокие тарифные ставки на ряд важных для России предметов ввоза. Договор просуществовал 10 лет и был впоследствии продлен опять-таки при активном участии Витте. Подобные соглашения были тогда заключены с Австро-Венгрией, Францией, Данией и другими странами. Система двусторонних торговых договоров превратила таможенные тарифы в одно из средств межгосударственных отношений, что послужило усилению роли Министерства финансов во внешней политике. Министерство имело теперь собственную резидентуру за границей, агентства и коммерческие представительства в ряде стран. Отныне и межгосударственные договоры стали рассматриваться в качестве неотъемлемого дополнения и даже способов реализации покровительственной таможенной политики и вместе с системой железнодорожных тарифов явились частью государственной торгово-промышленной стратегии.

Фискальные результаты новой тарифной политики Витте были вполне успешны. Если к кануну 1891 г. таможенный доход составлял в среднем 140 млн. руб. в год, то затем, после некоторой заминки в 1891-1892 гг., он неуклонно рос, достигнув в 1899 г. 219 млн., а в 1903 - 241 млн. руб., что составляло около 14% доходной части государственного бюджета. Но последствия этой политики выходили далеко за рамки сугубо фискальных интересов ведомства, причем результаты ее были неоднозначны. С одной стороны, конвенционная система таможенных пошлин, видимо, в немалой степени способствовала тому, что торговый баланс России, несмотря на ответные протекционистские меры со стороны ряда государств, был активным. Причем в 90-е гг. число отраслей промышленности, поставлявших продукцию на экспорт, увеличилось (нефтяная, текстильная, пищевая и др.). Далее, высокие таможенные пошлины,

ограждая российскую промышленность от иностранной конкуренции, в условиях отсутствия достаточной конкуренции на внутреннем рынке привели к росту цен на промышленную продукцию, что давало возможность предпринимателям получать высокую прибыль, часть которой шла в качестве реинвестиций на расширение и усовершенствование производства. И, наконец, стремясь преодолеть высокие таможенные барьеры и привлеченные перспективами освоения огромного российского рынка, иностранные предприниматели все интенсивнее обращались к прямому инвестированию капиталов в производство. Организуя собственные или смешанные предприятия, они рассчитывали использовать выгоды такой "натурализации" - дешевые рабочие руки, сравнительно низкое налоговое обложение, завышенные цены на продукцию, крупные казенные заказы и т.п. Приток иностранных капиталов в российскую экономику заметно усилился.

Вместе с тем вскоре стали ощущаться и негативные последствия этой политики. Тяжелый пресс высоких цен на промышленные товары давил на потребительский рынок, значительно сужая его и тяжело отражаясь на благосостоянии населения. Последовательное проведение протекционистской политики не могло не вызвать протестов со стороны тех кругов общества, интересы которых оказались ущемленными завышенными ценами на импортные товары. Особенно протестовали аграрии, более всего считавшие себя пострадавшими от таможенной политики Министерства финансов. В середине 90-х гг. состоялись съезды сельских хозяев, дворянских и земских собраний, обратившихся к верховой власти с ходатайствами о пересмотре таможенных тарифов. Ситуация усугублялась тем, что не было единства по этому вопросу и среди промышленников, так как в России многие производства все еще являлись потребителями импортного сырья, не говоря уже о фабрично-заводском оборудовании. Это требовало дифференцированного подхода к тарифным ставкам и строгого учета их соотношения. Но полного удовлетворения всех сторон достигнуть, конечно, было невозможно, что делало конфликты в предпринимательской среде и среди сельских хозяев неизбежными.

Масла в огонь подлила активизация заграничных капиталовложений в российскую экономику. В ожесточенных дискуссиях, развернувшихся в правительственных кругах, в различного рода общественных организациях и на страницах периодической печати, обсуждался вопрос о роли иностранных капиталов в судьбах России, высказывались опасения, что страна будет "колонизована", превратится "во вторую Индию" и т.п. И главным виновником происходящего, естественного, назывался глава финансового ведомства.

Мысль о привлечении иностранного капитала для развития российской экономики не была изобретением Витте. Эта идея высказывалась еще Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградским. Последний, в частности, в своем представлении в Государственный совет в январе 1888 г., обосновывая необходимость реорганизации финансовой системы, указывал, что эта мера облегчит прилив в Россию иностранных капиталов, потребность в которых "вызывается прямыми жизненными интересами торговли и промышленности". Предложение его тогда было отклонено, а сам министр главное внимание уделял заключению государственных займов. Лишь при Витте политика привлечения в российскую промышленность прямых заграничных инвестиций начала реализовываться в достаточно широких масштабах. Правда, сам он вначале какое-то время колебался, проявляя сомнения, обусловленные опасениями, что "русская предприимчивость оказывается иногда не в силах одолеть у себя соперничества иностранной предприимчивости". Однако затем он довольно последовательно и твердо отстаивал эту идею, реализуя ее в своей финансово-экономической политике.

В условиях жесткой критики и личных нападок Витте удалось удержаться на высоте во многом благодаря тому, что протекционистская политика зиждилась на довольно определенном "изъявлении высочайшей воли" и проводилась под подчеркнуто "националистическим" лозунгом (создание национальной промышленности для обеспечения национальных интересов страны). Немалую роль сыграла при этом и умело организованная агитация в пользу такой политики на страницах как официозов ("Вестник финансов, торговли и промышленности", "Торгово-промышленная газета"), так и частной прессы. Когда нападки аграриев в 1897 г. достигли особой остроты, Витте счел необходимым - и уже не первый раз - прибегнуть к авторитету Д.И. Менделеева. По его просьбе известный ученый написал Николаю II письмо, в котором обратил внимание монарха на то обстоятельство, что покровительство промышленности не противоречит интересам сельского хозяйства, а содействует его развитию и повышению его культуры. Как считал сам Менделеев, письмо возымело "некоторое действие". Поддержал Витте и государственный контролер Т.И. Филиппов. Отмечая в отчете за 1898 г. рост таможенных доходов, ставших одним из заметных источников бюджетных пополнений, он в то же время указывал и на такое негативное последствие повышения пошлин, как рост цен на внутреннем рынке. Однако, констатируя быстрый рост отечественной промышленности, "в особенности при содействии иностранных капиталов", он вслед за Витте утверждал, что "в близком будущем наше внутреннее производство устранил потребность в столь

значительном, как ныне, привозе иностранных товаров, тем более, что многие из них требуются именно для оборудования упомянутых предприятий".

Вместе с тем министр финансов и сам вскоре убедился, что покровительственные тарифы сами по себе не могут решить все проблемы развития отечественной промышленности. Стало очевидным, что воздействие их в целом на экономику весьма противоречиво: содействуя развитию одних отраслей, они угнетали другие, укрепляли монопольное положение немногих крупных предприятий в ущерб народному хозяйству и обществу. Необходимы были комплексные меры, которые бы усилили регулируемую роль государства и устранили неблагоприятные факторы. Одним из главных таких негативных факторов была неустойчивость русского рубля, его слабая конвертируемость. И Витте приложил немало усилий для упрочения российской денежной системы.

Основным пороком денежно-финансовой системы России первых пореформенных десятилетий были избыток кредитно-бумажной массы, девальвация рубля и его крайняя неустойчивость. Кредитный рубль служил объектом беззастенчивых финансовых спекуляций как за границей, так и внутри страны. В Берлине существовала даже специальная "рублевая биржа", участники которой получали немалые барыши именно на колебаниях курса рубля, нередко усиливая его искусственно. В 1888-1890 гг. курс рубля составлял 81,8 номинала, а в 1891 г. - уже 59,3. Попытки предшественников Витте избавиться от излишков денежной массы путем изъятия крупных партий ассигнаций успеха не имели, порождая каждый раз шумные кампании протестов. Безуспешными оказались проекты М.Х. Рейтерна (1877 г.), Н.Х. Бунге (1883 г.) и И.А. Вышнеградского (1888 г.), предусматривавшие упорядочение денежной системы введением размена кредитных билетов на золото.

В поисках средств упорядочения и оздоровления финансов Витте далеко не сразу приступил к реализации кардинальных мер в этой области. Вначале Министерство финансов попыталось смягчить остроту проблемы административными методами. В январе 1893 г. Особенная канцелярия по кредитной части обратилась к коммерческим учреждениям с циркуляром-предостережением. "Некоторые заграничные биржевые центры, - указывалось в нем, - в широких размерах производят спекулятивные сделки на курс кредитного рубля, с преобладающей тенденцией в сторону понижения, превращая своими операциями кредитный рубль в предмет игры и ажиотажа и поддерживая тем неустойчивость и постоянные колебания нашего курса. В этой спекуляции участвуют, к сожалению, и биржевые сферы в России... Сделки эти усиливают искусственное давление на наш курс, систематически производимое из упомянутых заграничных биржевых центров". Канцелярия отмечала, что постоянные искусственные колебания курса "наносит вред экономическим интересам страны, лишая торгово-промышленную среду возможности правильного коммерческого расчета при всяких предприятиях, так или иначе соприкасающихся с международным рынком", и жестко предостерегала частные коммерческие учреждения от открытия счетов для зарубежных и отечественных спекулянтов. В течение года министерство пыталось установить контроль за циркулированием денежной наличности: были введены таможенные пошлины на вывоз валюты (1 коп. со 100 руб.), запрещены сделки, основанные на курсовой разнице рубля, усилен контроль за биржевыми операциями в России и наложен запрет на производство биржевых сделок маклерами-иностранцами. Все эти меры, конечно, имели паллиативный характер. Какое-то время Витте даже предполагал преодолеть кризис денежной наличности путем дополнительной эмиссии кредитных билетов. Как вспоминал впоследствии товарищ министра, Ф.Г. Тернер, его патрон одно время "вполне предавался мысли развития нашей промышленности путем усиления бумажного обращения. Идея выпуска ничем не обеспеченных бумажных денег вызвала панику среди финансистов. Однако хорошо знавший своего начальника А.Г. Рафалович — агент Министерства финансов в Париже - смотрел на все это более оптимистично. "Витте человек такого большого ума, - писал он управляющему делами Комитета министров А.Н. Куломзину, что через шесть месяцев он все поймет и сделается великолепным министром финансов".

Действительно, Витте довольно скоро понял ошибочность таких расчетов и обратил свои взгляды на более глубокое изучение опыта своих предшественников, пытавшихся заложить предпосылки для перехода к введению золотого обеспечения рубля и размена бумажных денег на металлические. И Бунге, и Вышнеградский немало сделали в этом направлении, пытаясь упрочить курс рубля и накопить необходимые запасы золота в стране. Уходя в отставку, Вышнеградский передал Витте записку, в которой излагались его соображения о предстоящей реформе денежного обращения. В ряду предварительных мер перечислялись и определенная сдержанность в расходах бюджетных средств, и продолжение политики по увеличению доходов от экспорта и импорта, и конверсия внешних займов, рассчитанная на увеличение сроков выплат и понижения процентов по ним, и уменьшение процентов доходов от облигаций и закладных листов земельных банков, что должно было способствовать переливанию капиталов в торгово-промышленную сферу. Фактически Витте и придерживался этой линии, проводя ряд конверсий

старых и заключив несколько новых займов на сравнительно выгодных для России условиях, из которых наиболее крупными были займы 1894 и 1896 гг. В результате к 1 января 1895 г. золотой запас страны составлял 645,7 млн. руб. - против 372 млн. в 1890 г. - и продолжал расти. Благодаря этим ресурсам, как отмечал Витте, в какой-то мере правительство "смогло сохранить курс рубля от посягательств биржевой игры".

Теперь можно было решаться на кардинальную реформу и прежде всего определиться самому и доказать другим, в первую очередь монарху, неизбежность и необходимость преобразований. Не менее важно было выбрать и направление, формы и методы действий. В этом ему помог известный финансовый деятель и банкир А.Ю. Ротштейн, участвовавший в разработке и реализации австрийского закона о золотом обращении 1892 г. и приглашенный в Россию в качестве советника еще Вышнеградским. На заседании Комитета финансов 15 марта 1895 г. Витте представил обоснование и развернутую программу реформы. Необходимость последней, считал он, обуславливалась рядом изъянов существующей денежной системы, которая становилась тормозом дальнейшего развития страны. Важнейшими недостатками ее были, во-первых, неустойчивость курса кредитного рубля и как следствие - колебания цен на внутреннем и внешнем рынках; во-вторых, "нерастяжимость" денежного обращения, являвшаяся причиной периодической нехватки денежной наличности, особенно в месяцы реализации урожаев, а отсюда колебания и высота ссудного процента; в-третьих, "затруднения к помещению у нас иностранных капиталов, вследствие справедливого опасения владельцев оных, что выгоды, извлеченные ими из того или другого дела, могут быть поглощены падением курса на кредитный рубль". "Между тем, - добавлял он уже без всяких колебаний, - без содействия чужеземных капиталов мы не имеем возможности использовать естественные богатства, которыми столь щедро наделены некоторые местности нашей обширной родины".

Из возможных вариантов базового обеспечения реформы — проводить ли ее на базе монометаллизма (золото или серебро) или биметаллизма (и золото, и серебро) - Витте остановился на золоте, хотя этот вопрос был для многих, даже среди сторонников реформы, далеко неоднозначен. Не сразу решился на это и Витте. Позднее он писал, что когда он стал министром финансов, то уже не сомневался, что "денежное обращение, основанное на металле, есть благо". "Но так как я ранее этим вопросом глубоко не занимался, - продолжал он, - то поэтому у меня явились не то чтобы некоторые колебания, а непоследовательные шаги, и в этом нет ничего удивительного". В пользу биметаллизма, в частности, были и определенные традиции российского денежного обращения, и значительные запасы серебра, имевшиеся в казне. Однако, во-первых, привязка кредитного рубля к биметаллическому эквиваленту таила в себе и большую опасность: при высокой конъюнктуре одного из паритетов (золота), наблюдавшейся в эти годы, неуклонное снижение стоимости другого (серебра) могло не только не привести к стабильности денежной единицы, но и усилить ее неустойчивость. Во-вторых, почти все крупные партнеры России на Западе (Англия, Германия, Австро-Венгрия, Франция, Дания, Швеция, Голландия, Италия, Бельгия и др.) к тому времени уже перешли на золотое обращение. Таким образом, золотой паритет со всех точек зрения представлялся более предпочтительным, хотя при переходе на него вставали неведомые до того проблемы. Не произойдет ли при этом массовый отлив золота за границу или в "кубышки" населения? Хватит ли его резервов для свободного обращения и размена кредитных билетов? Не приведет ли удорожание денежной единицы к падению жизненного уровня населения? Окончательные ответы на эти вопросы могла дать только жизнь, практика. Трезвый расчет и предвидение исторических возможностей России сделали Витте последовательным сторонником золотого монометаллизма, и он сумел убедить своих коллег, а главное императора в правильности своего выбора.

Разработка проекта программы реформы (кроме А.Ю. Ротштейна, главными советниками Витте при этом были профессор Петербургского университета И.И. Кауфман и директор департамента финансов министерства Н.Н. Кутлер) проходила в обстановке большой секретности. И это было понятно — рассчитывать на благожелательное отношение к ней со стороны сколько-нибудь широких слоев общества не приходилось. Министр прекрасно понимал, что он бросает вызов могущественнейшим силам в лице поместного дворянства и тесно связанным с ним придворным кругам. Но здесь в полной мере сказались его качества как государственного деятеля - интуиция и твердый расчет, непреклонная воля, настойчивость, знание механизмов власти и умение пользоваться ими.

"Утечка" информации о готовящейся реформе, организованная им самим (держать общество в неведении далее было уже невозможно), вызвала очередной взрыв нападок на Министерство финансов и его главу. Теперь речь шла уже не просто о симпатиях и антипатиях к личности министра. Как и в случае с таможенными пошлинами, существенно затрагивались материальные интересы тех, кто всегда был в России хозяином положения. И резон в их протестах против готовящихся мер действительно был. Сама идея укрепления курса рубля и перехода на универсальный золотой паритет отвечала в первую

очередь задачам развития промышленности. Аграрному же сектору она не только не сулила, по крайней мере в ближайшее время, никаких особых выгод, но, наоборот, грозила немалыми потерями. Стабилизация рубля и повышение его курсовой стоимости неизбежно должны были привести к падению цен на сельскохозяйственную продукцию. Поднялась буря возмущения, подогреваемая прессой, различного рода ходатайствами земских и дворянских собраний, съездами сельских хозяев. Лекции по этому вопросу собирали полные залы, тема проникла в закрытые клубы и аристократические салоны. Зазвучали обвинения в грядущем "разбазаривании национальных богатств", об обнищании страны и превращении ее в колонию Запада и т.п. Государственный совет неоднократно пытался торпедировать законодательные предположения финансового ведомства. В своих "Воспоминаниях" Витте позднее писал, что "против этой реформы была почти вся мыслящая Россия: во-первых, по невежеству в этом деле, во-вторых, по привычке и, в-третьих, по личному, хотя и мнимому, интересу некоторых классов населения". В этих условиях решающую роль сыграла поддержка реформы Николаем II. "Я имел за собой доверие его величества, благодаря его твердости и поддержке мне удалось совершить эту величайшую реформу. Это одна из реформ, которые, несомненно, будут служить украшением царствования императора Николая II", - так без ложной скромности оценивал впоследствии Витте свою деятельность в этом плане.

Денежная реформа вводилась поэтапно в течение 1895-1897 гг. Уже в феврале 1895 г. Витте представил в Комитет финансов проект закона о разрешении сделок за золотую монету, которая могла служить основой финансовых операций наряду с серебром и кредитными билетами. Следующим шагом стал закон 8 мая того же года, утвердивший два основных положения: 1) всякие дозволенные законом письменные сделки могли заключаться на российскую золотую монету; 2) по всем таким сделкам уплата могла производиться либо золотой монетой, либо кредитными билетами по курсу на золото в день платежа. Затем был предпринят ряд мер по утверждению золотого эквивалента: конторам и отделениям Государственного банка было разрешено покупать золотую монету по определенному курсу, а столичным - и продавать, и производить платежи по тому же курсу; введены были правила приема банком золотой монеты на текущий счет. Вскоре эта операция была разрешена и коммерческим банкам, которые объявили, что они принимают золото по текущим счетам и по всем обязательствам.

Первые шаги по внедрению золотой монеты в денежное обращение делались с большим трудом. Это объяснялось и новизной дела, и сложностью расчетов, и опасением клиентуры, что курс золота может быть произвольно изменен властями, о чем весной и летом 1895 г. ходили упорные слухи. Государственный банк вынужден был выступить с официальным заявлением о покупке золота по стабильным ценам, что в конце концов привело к установлению паритета между кредитным и золотым рублем в пропорции 1,5:1. И все это время Витте был постоянно на авансцене борьбы за реформу: он много выступал перед различными аудиториями, подавал записки с обоснованием неизбежности вводимых преобразований, организовывал кампании в прессе в защиту своих идей от нападок. Обладая прекрасной чиновной интуицией и знанием бюрократической и околоаппаратной среды, он хорошо ориентировался в сложных хитросплетениях сановного мира, умело вербовал нужных людей. Весьма информированная генеральша А.В. Богданович, в салоне которой бывало немало влиятельных особ, писала в дневнике в ноябре 1896 г.: "А.П. Никольский (в то время управляющий государственными сберегательными кассами. — А.К.) говорил насчет золотой валюты, что Витте подкупает своих противников в этом деле. Так, уже теперь Верховский (член совета министра путей сообщения, редактор журнала "Железнодорожное дело". - А.К.) не против валюты и объясняет, что нападал на нее раньше только с целью выяснить всем непонимающим, что это за мера. Маркуса (сенатор, член Государственного совета. - А.К.) Витте купил, дав ему добавочных 6 тыс. руб. содержания". Слухов и сплетен вокруг имени Витте всегда было множество, но подобные формы вербовки сторонников действительно могли иметь место. Доказанным является, например, факт субсидирования им влиятельной петербургской газеты "Биржевые ведомости", ставшей рупором сторонников министра финансов.

Неоднократно выступал Витте и перед Государственным советом, произнося страстные речи в защиту преобразований. В одной из наиболее ярких из них, произнесенной 28 декабря 1895 г., министр говорил: "Уже восьмой год наша государственная роспись заключается весьма благоприятно для государственного казначейства. В развитии производительных сил Россия сделала за минувшее царствование весьма явственные успехи. Экономическая и финансовая жизнь страны обнаруживает серьезные признаки поворота к лучшему... Но в прочности и жизненности этих успехов нельзя иметь уверенности до тех пор, пока страна не дошла до отправного пункта всякого прогноза народохозяйственного преуспевания, пока стране не обеспечен насущно необходимый базис всяких хозяйственных действий - прочная денежная система. На почве расстроенного денежного обращения ничто твердо стоять не может, ибо сама почва - шаткая, зыбкая, то проваливающаяся, то поднимающаяся, приходящая в сотрясение то с большею, то с меньшею силою...". Нарисовав эту впечатляющую картину, он подводил слушателей к за-

ключению, что "укрепление этой почвы становится для государственного и народного хозяйства коренным требованием самосохранения".

Технически же суть реформы сводилась к тому, чтобы стабилизировать курс бумажного рубля, учитывая его девальвацию, путем сохранения фактического его курса и допустив свободный размен кредитных билетов на золото. Придание рублю золотого паритета Витте считал стержнем преобразования. При этом реформа, как объяснял он свой замысел в ходе обсуждения проекта в Комитете финансов и в Государственном совете, "должна быть осуществлена так, чтобы не произвести ни малейших потрясений и каких-либо искусственных изменений существующих условий, ибо на денежной системе покоятся все оценки, все имущественные и трудовые интересы населения". Достичь этого, как он считал, можно только введением золотого размена рубля по уже утвердившемуся курсу (один кредитный рубль равнялся 66 2/3 коп. золотом). Заклучая свое представление в Государственном совете 14 марта 1896 г., он указывал: "Проектируемая реформа, не нарушая народных привычек, не колебля цен, не внося беспорядка во все расчеты, поведет за собой переход нашей родины от неопределенного с юридической стороны, вредного в экономическом и опасного в политическом отношениях бумагоденежного обращения к обращению золотой монеты и размена на него знаков". Поскольку, однако, высший законосовещательный орган империи продолжал колебаться, Витте склонил императора к окончательному рассмотрению законопроекта Комитетом финансов (2 января 1897 г.) и утверждению его царским указом в обход совета. Окончательно денежная реформа была введена в действие указом от 29 августа 1897 г.

В результате реформы Государственный банк становился единственным в стране эмиссионным учреждением, которому предоставлялось право выпуска банкнот. Но он мог выпускать не обеспеченные золотом кредитные билеты на сумму не более 300 млн. руб. и еще на столько же - в половинном размере. Все кредитные билеты, выпущенные сверх этой суммы, должны были быть обеспечены золотом рубль за рубль. Закон предусматривал постоянное содержание в стране большого золотого запаса для обеспечения находившихся в обращении кредитных билетов, что делало российскую валюту одной из самых надежных в мире. В 1888 г. золотой запас составлял около 45,8% к номинальной сумме бумажных денег, находившихся в обращении; к 1892 г. он возрос до 81,2%, а к 1896 г. он составлял уже 103,2%. На новых банкнотах имелась надпись: "Обеспечиваются золотым достоянием Российской империи". Вместо старых золотых монет достоинством в 10 и 5 руб. (империалов или "рыжиков", как их называли в народе за темнотолотистый цвет) с 1897 г. стали чеканить новые монеты - империал (15 руб.) и полуимпериал (7 руб. 50 коп.). Высочайшим указом от 14 ноября 1897 г. повелевалось на банкнотах взамен старого текста "изображать" надпись: "Государственный банк разменивает кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы (1 руб. = 1/15 империала, содержит 17,424 долей чистого золота)". Кроме того, для удобства расчетов в обращение вводились 10- и 5-рублевые монеты, а также вспомогательные серебряные - 1 руб., 50, 25 коп. (900 частей чистого серебра) и 20, 15 и 5 коп. (500 частей чистого серебра) - и медные монеты.

К 1 января 1896 г. в наличии имелось 1121,3 млн. кредитных рублей, а золотой запас оценивался в 659,5 млн. руб., из которых в разменном фонде числилось 75 млн. В течение года разменный фонд был доведен до 500 млн. руб. Это был рубеж, представлявший достаточным для развертывания обменной операции и введения золотой монеты в широкое обращение наряду с бумажными дензнаками. В конце 1897 г. золотой запас казны составлял уже 1315 млн. руб., а в обращении находилось золотых монет на 155 млн. руб. Затем золотая наличность несколько сокращается за счет роста количества золота в обращении с соответственным сокращением удельного веса кредитных билетов. В 1898 г. запас золота оценивался в 1146 млн. руб., а в обращении находилось золотых и серебряных монет на 445 млн. руб. Теперь золото довольно быстро утверждается в качестве главного платежного средства, что способствовало прекращению колебания рублевого курса. В конце 1898 г. Витте констатировал в очередном всеподданнейшем докладе, что "денежное обращение России приведено в порядок и поставлено столь же твердо, как в тех государствах, где эта отрасль народного хозяйства издавна находится в образцовом состоянии". По его расчетам, к началу 1899 г. уже 33% обращения приходилось на золотую и 10% - на серебряную монеты, в то время как к началу 1896 г. в обороте находилось свыше 98% бумажных денег и менее 2% металлических. Министр с гордостью заявлял, что через три года после начала реформы золотое обеспечение рубля составляло 168%. Высокий процент золотого покрытия кредитных билетов, превышавший 100%, сохранялся (за исключением 1906-1907 гг.) фактически вплоть до начала Первой мировой войны, когда размен бумажных денег на золото был прекращен. Русский рубль считался одной из самых надежных и устойчивых валют в мире, а запаса прочности российской денежной системе хватило вплоть до 1917 г.

Формальным завершением денежной реформы явилось принятие нового монетного устава, утвержденного Николаем II 7 июня 1899 г. В нем провозглашалось, что государственной денежной единицей

Российской империи является рубль, содержащий 17,424 доли чистого золота. Золотая монета могла чеканиться из золота, принадлежащего казне и предоставлявшегося частными лицами. Полноценная золотая монета обязательна к приему по всем платежам на неограниченную сумму. Серебряная и медная монеты изготовлялись только из металла казны и являлись вспомогательными в обращении, обязательными к приему в платежах до 25 руб. К концу 1901 г. в обращении находилось золотых и серебряных монет на 856,5 млн. руб. (золотых - на 694,9 млн. и серебряных - на 161,6 млн.).

Таким образом, накопленный золотой запас, подкрепленный удачно заключенными внешними займами и их конверсией, положительный внешнеторговый баланс и благоприятная экономическая конъюнктура, давшая новые поступления средств в бюджет, позволили России не только без особых потрясений перейти на новое денежное обращение, но и придать ему устойчивость и надежность. Золотая валюта способствовала интеграции страны в мировую рыночную систему, сделала более доступными для русских ценных бумаг западноевропейские биржи, способствовала притоку иностранных инвестиций в российскую экономику и ускорению индустриально-капиталистической модернизации. Вместе с тем следует отметить, что реформа имела и некоторые негативные последствия для развития народного хозяйства. Высокий процент покрытия банкнот золотом свидетельствовал, что Государственный банк фактически не использовал полностью своего эмиссионного права и что в России фактически вместо банкнотного было обращение золотых сертификатов. Это, во-первых, стоило казне больших денег, а во-вторых, ограничивало капиталотворческие функции Государственного банка. Банк держал непроизводительно более чем миллиардный запас золота для обеспечения сравнительно небольшого количества кредитных билетов, что значительно увеличивало издержки обращения, в то время как в стране не хватало капиталов. Новые займы увеличивали внешний долг, что все более тяжелым бременем ложилось на бюджет. Но тем не менее, положительный экономический эффект реформы был несомненен, о чем свидетельствуют успехи экономического развития России не только в годы виттевского министерства, но и позднее - в период предвоенного промышленного подъема, базу для которого составили во многом преобразования Витте. Исторический опыт проведения денежной реформы 1895-1897 гг. - ее подготовка, условия, формы и методы реализации - представляют, несомненно, большой интерес и в наше время, учитывая неустойчивость современной российской денежной системы, слабую конвертируемость рубля и постоянные попытки, часто весьма непрофессиональные, исправить положение.

Активная финансовая и торгово-промышленная политика требовала все более значительных расходов бюджетных средств и, соответственно, изыскания более существенных поступлений. Всегда и везде главным источником бюджетных доходов являлись и являются налоги - прямые и косвенные. И Витте в этом плане, конечно, не был оригинальным. Однако существовавшая к тому времени в России налоговая система сохраняла в значительной мере архаичный, громоздкий и крайне запутанный характер и требовала модернизации, что предопределило особый характер усилий финансового ведомства в этом плане. Вслед за Бунге Витте попытался ввести буржуазные принципы налогообложения, начав их внедрение с прямых налогов. В частности, при нем была завершена отмена феодальной по существу подушной подати в Сибири, отменена подымная подать в Закавказье, которые были заменены единым поземельным налогом, государственной оброчной подати была придана форма раскладочного налога. Им же была предпринята попытка реформирования торгово-промышленного обложения, а еще ранее, в 1894 гг., введен квартирный налог.

В целом предпринимательская деятельность облагалась государством в сравнительно незначительном размере. К середине 90-х гг. поступления от всех видов промыслового обложения составляли немногим более 3% государственного бюджета, хотя торговля и промышленность в то время уже давали 45% национального дохода. Уже осенью 1892 г. Витте представил Александру III доклад, в котором он "в видах достижения большего единства и равномерности в обложении торговли и промышленности" и более правильного соотношения доходов казны с развитием этих отраслей экономики, испросил разрешение на подготовку общей реформы торгово-промышленного налогообложения. Была образована специальная комиссия под председательством В.И. Ковалевского. Не дожидаясь результатов ее работы, Витте провел закон об увеличении с 1893 г. размера промыслового налога в среднем с 3 до 5% и привлечении к обложению предприятий, уплачивавших акцизные сборы, что дало увеличение бюджетных доходов на 5 млн. руб. Позиция финансового ведомства была в развернутом виде изложена в программе 1893 г., в которой, в частности, указывалось, что "система обложения как торговли, так и промышленности построена исключительно на внешних признаках, не всегда характерных и далеко не полностью исчисленных, вследствие чего обложение представляется весьма неуравновешенным, не соответствующим ни обороту, ни прибыльности предприятий и, с другой стороны, не обеспечивающим роста поступлений государственных доходов, который бы соответствовал происходящему в действительности расширению торговли и промышленности".

Наилучшим образом этому мог бы соответствовать прогрессивный налог. Однако существовавшее состояние отчетности предприятий, позиция, которую занимали в этом вопросе предприниматели, а главное - общее направление покровительственно-охранительной политики правительства в отношении промышленности не способствовали внедрению этого принципа налогообложения. Сам Витте, видимо, не смог полностью отказаться от старого, традиционного взгляда на эту проблему. В своем представлении в Государственный совет в конце 1892 г. он отмечал, что "многие источники доходов остаются еще до сих пор необложенными и у податной администрации никаких сведений о них нет" и что "при таких условиях введение подоходного налога вызвало бы со стороны плательщиков нескончаемые попытки к сокрытию своих доходов, а со стороны администрации - произвол, к которому только и осталось бы прибегнуть для противодействия уклонению плательщиков". Его отрицательное отношение к введению подоходного обложения в чистом виде позднее не только сохранилось, но и обрело дополнительную аргументацию. В частности, в курсе лекций, прочитанных им в 1900-1902 гг. вел. кн. Михаилу Александровичу, отмечалось, что подоходная система взимания налогов, при всей ее прогрессивности и справедливости, имеет и ряд недостатков: 1) размер чистого дохода не поддается очному определению; 2) обязанность показывать доход порождает стремление утаивать его истинные размеры и ведет к общественной безнравственности; 3) подоходный налог в ряде случаев является как бы обложением предприимчивости и бережливости и может ослаблять импульс к усилению доходности предприятия; 4) такой вид обложения приобретает характер вторжения фиска в личные, интимные обстоятельства плательщика; 5) наконец, подоходный налог ложится в значительной своей части на меньшинство населения (в Пруссии его уплачивает 8,7% населения).. После длительного обсуждения и неоднократных доработок новое "Положение «О промысловом налоге»" было высочайше утверждено 8 июня 1898 г. Согласно ему, налог, как и прежде, состоял из основного и дополнительного. Основной уплачивался путем ежегодной выборки промысловых свидетельств на право занятия тем или иным видом предпринимательства. Однако теперь его размер устанавливался в зависимости от величины и вида предприятия (и соответственно - от принадлежности его к тому или иному разряду) и от его территориального расположения (вся территория империи в связи с этим подразделялась на 5 классов в зависимости от уровня экономического развития), а не от принадлежности владельца к той или иной купеческой гильдии. Таким образом, упор был сделан на предприятие, а не на личность и ее возможные привилегии. Дополнительный налог, которым облагались акционерные предприятия ("обязанные публичной отчетностью") подразделялся на налог с капитала и процентный сбор с прибыли. Причем последний взимался лишь в том случае, если прибыль превышала 3% на основной капитал, и устанавливался на началах умеренной прогрессивности. Дополнительный налог с единовладелецких предприятий ("не обязанных публичной отчетностью") взимался в виде раскладочного налога и процентного сбора с прибыли.

Итак, несмотря на то, что значительная часть промыслового налога по-прежнему была основана на архаичных и примитивных принципах обложения, последствия принятия нового закона были достаточно прогрессивными. "Положение" предусматривало внедрение некоторых принципов подоходного налогообложения, характерных для зрелых буржуазных обществ, хотя в полном виде прогрессивно-подоходное обложение в России так и не было осуществлено. Элементы прежней организации промыслового обложения (обязательный патент, значительная роль внешних признаков при определении прибыли предприятий, раскладочный принцип обложения) переплетались с такими новыми элементами налогообложения, как обязательная декларация о доходах для части плательщиков, стремление к обложению по действительной прибыли, привлечение к обложению личных промысловых занятий. Сохранялся щадящий характер торгово-промышленного обложения. Вопреки жалобам промышленников на то, что налоги "съедают" до четверти всей предпринимательской прибыли, обследования департамента окладных сборов показали, что в начале XX в. в среднем размер налогообложения составлял около 13% (выборочные исследования показали колебания от 10 до 18%). При этом следует иметь в виду, что налог уплачивался с величины балансовой или так называемой податной прибыли, которая выводилась после всех отчислений в различные фонды погашения имущества, выдачи вознаграждения служащим и т.п. И даже после уплаты предпринимателями различных местных налогов (земских, городских) обложение прибыли оставалось меньше тех 24%, выведенных самими предпринимателями. Среди современных экономистов существует мнение, что Витте удалось достичь "золотой середины" между стремлением государства к увеличению доходных статей бюджета за счет поступлений средств от промышленности и торговли и интересами предпринимателей, в частности, необходимыми реинвестициями в эту сферу. Причем предельный уровень налогообложения в 20% может служить ориентиром и при современном решении проблемы оптимальности налоговых и иных платежей в бюджет.

Новый промысловый налог несколько увеличил доходы казны. За первый же год после его введения поступления в бюджет по этой статье увеличились с 48 до 61 млн. руб., т.е. на 27%. Но доля этих

поступлений оставалась мизерной - 3-4% всех бюджетных доходов. Принятие нового закона имело более существенные последствия в социальном плане, в частности для стирания сословных градаций в предпринимательской среде и российском обществе в целом. Благодаря ему прекращалась прямая связь между покупкой промысловых свидетельств и получением гильдейских свидетельств о принадлежности к купечеству. Как отмечал один из видных представителей московского делового мира П.А. Бурый, с принятием этого закона "купеческое сословие было обречено на несомненное умирание".

В целом же прямые налоги - поземельный, с недвижимости, на денежные капиталы, квартирный, промысловый - за 1894—1900 гг. в абсолютном исчислении выросли со 195 млн. до 228 млн. руб., но доля их как в общей сумме налоговых поступлений, так и в доходных статьях бюджета несколько сократилась - соответственно с 25 до 23% и с 16 до 13%.

Основную массу бюджетных доходов давали косвенные налоги, составлявшие около 50% всех поступлений. Именно на увеличение косвенного обложения прежде всего и рассчитывал Витте, высказавшись в своем первом же всеподданнейшем докладе за то, чтобы не останавливаться "перед временным напряжением платежеспособных сил страны" в целях развития отечественной промышленности. Это "временное напряжение" не только сохранялось, но и усиливалось в течение всех лет виттевского министерства: косвенные налоги за это время выросли с 581 до 776 млн. руб., дав казне около 1,5 млрд. руб.". При этом увеличение доходов от косвенных налогов лишь отчасти было вызвано ростом потребления населения, на что упирал министр финансов в своих докладах императору. Помимо неоднократного повышения цен на товары широкого потребления, были повышены акцизы на нефть и нефтепродукты, спички, сахар, табак, спирт, вино, увеличены таможенные тарифы на хлопок, чай и другие товары, что в конечном итоге также ложилось тяжелым бременем на потребителей.

Львиную долю поступлений в бюджет традиционно давали производство и продажа водки, доход от чего достигал примерно четверти всех бюджетных поступлений. Витте, конечно, не мог пройти мимо возможности увеличить поступления по этой статье. Между тем поступления от продажи "питий" после ряда лет устойчивого роста к середине 90-х гг. начинают утрачивать прежнюю динамику. Государственный контролер во всеподданнейшем отчете за 1895 г. отмечал, что питейный доход за отчетный период увеличился всего на 458 тыс. руб., в то время как за предыдущий 1894 г. прирост составлял 36 млн. руб. "По-видимому, - писал он, - питейный доход дошел до пределов, за которым дальнейший рост его возможен лишь в пропорциональном отношении к увеличению народонаселения, а также при расширении самого потребления питий".

Выходом из создавшейся ситуации могла стать реорганизация самой системы получения доходов от реализации крепких напитков. Акцизная система обложения выделки и реализации спирта и спиртоводочных изделий, существовавшая в России с начала 60-х гг. и пришедшая на смену винным откупам, состояла из собственно акцизных сборов с градуса или ведра безводного спирта, особых сборов за переделку спирта в водочные изделия и патентного сбора в виде промыслового обложения. Витте и в этом последовал за своими предшественниками, предложившими еще в 80-х гг. установить государственную монополию на реализацию крепких напитков, дававших значительную прибыль. При новой системе, предложенной им, винокурение оставалось в частных руках, однако сырой спирт приобретался исключительно казной и по ценам, устанавливавшимся Министерством финансов. Регулировалось и общее годовое производство спирта, которое распределялось между заводами на основе особого "положения". Спирт, выкуренный сверх нормы, разрешалось вывозить за границу, но опять-таки в устанавливаемых "сверху" объемах.

Ликвидировалось феодальное по существу "пропинационное" право помещиков прибалтийских и западных губерний на торговлю вино-водочными изделиями в своих имениях. Казна возмещала "потерянную выгоду" путем выплаты капитализированного годового дохода от этой операции.

Впервые винная монополия была введена в 1893-1894 гг. (законы 8 июня и 6 июля) в виде опыта в четырех восточных губерниях — Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской. Затем постепенно, "поочередно" она была распространена и на другие регионы, охватив к 1902 г. практически всю Европейскую Россию и основные западно-сибирские губернии (63 губернии и 8 областей). Наконец, законом 26 февраля 1901 г. предусматривалось с 1 июля 1904 г. распространить казенную продажу питий и на Восточную Сибирь.

Реформа имела несколько целей. Естественно, главной и определяющей была фискальная задача - добиться увеличения доходов казны. По подсчетам самого Витте, в 1894 г. весь питейный доход составлял 297,4 млн. руб., в 1899 г. он возрос до 310,3 млн. и вместе с валовым доходом от монопольной продажи водки (110,8 млн. руб.) составил 421,1 млн. руб. За вычетом операционных расходов (средств, потраченных на сооружение казенных винных складов, торговых "точек", на приобретение необходимого оборудования и т.д.) чистый питейный доход увеличился за пять лет на 47,5 млн. руб. Всего же, по рас-

четам Министерства финансов, с 1 января 1895 г. по 1 января 1901 г. общий валовой доход от продажи водки составил громадную сумму в 955,8 млн. руб. За вычетом операционных расходов в 296,6 млн. руб. чистый доход за шесть лет был 662,8 млн. руб., в том числе от акциза - 526,9 млн. и от монопольной продажи водки - 135,9 млн. В результате в начале 900-х гг. доля питейного дохода составляла около 28% всех бюджетных поступлений.

Вместе с тем финансовое ведомство провозгласило одной из целей реформы также улучшение качества крепких напитков и повышение культуры их потребления, что должно было иметь благотворные социальные и экономические последствия. Защищаясь от нападок своих противников, обвинявших его в сознательном спаивании народа, Витте во всеподданнейшем докладе о росписи на 1899 г. даже писал, что введение казенной монополии на продажу водки "не имеет ввиду найти источник доходов", что главной целью этой меры было упорядочение винной торговли. "Потребление у нас алкоголя, сравнительно с другими странами, невелико, но крайне неравномерно, - указывал он. - В частной торговле вино и спирт появляются нередко с вредными, расшатывающими здоровье, примесями. Самые условия этой торговли, допускающей, при неразборчивости в средствах, извлечение из нее наибольших выгод, способствовали укоренению многообразных злоупотреблений, разорявших низшие классы населения".

Еще осенью 1896 г., в разгар направленной против него кампании, министр финансов посетил ряд губерний, чтобы лично ознакомиться с ходом реализации реформы. В итоговой записке, направленной царю, он, сделав акцент не на финансовой, а на потребительской стороне введения казенной винной монополии, отмечал несомненное улучшение качества крепких напитков за счет лучшей очистки спирта от вредных примесей, что благотворно сказалось на здоровье населения, а упорядочение торговли водкой способствовало искоренению таких позорных явлений, процветавших при частной торговле, как "пропитие беднейшими классами населения" хлеба, скотины, одежды и домашней утвари. "Прекращение продажи вина в счет урожая, под заклад или в промен платья, посуды и других вещей возбуждает в крестьянах... неподдельное чувство радости, и, осеняя себя крестным знамением, они выражали благодарность Батюшке-Царю, избавившему народ от пагубного влияния дореформенного кабака, разорвавшего население", - в таких возвышенных и благостных тонах описывались результаты реформы. Николай II, ознакомившись с запиской, начертал: "Прочел с удовольствием". Трудно поверить в столь быстрые результаты и эффективность культурно-просветительной и оздоровительной миссии реформы. Но тем не менее, принятые меры действительно в какой-то степени должны были иметь и положительные результаты. Очистка спирта и изготовление водки, производившиеся на частных заводах, осуществлялись под контролем акцизных чиновников. Кроме того, к 1901 г. на казенные средства было построено около 500 винных складов, сооружено более 30 тыс. казенных винных лавок, организованы целые отрасли промышленности - по ректификации спирта, изготовлению посуды для разлива водки и т.д. Закон 29 мая 1897 г. довольно жестко определял порядок торговли крепкими напитками в питейных заведениях, регламентируя даже внутреннее устройство последних, часы и дни работы. Как особое достижение, Министерство финансов отмечало некоторое сокращение потребления водки в районах реализации реформы: душевое потребление ее в 35 губерниях, где в 1895-1898 гг. была организована казенная продажа напитков, составляло в 1894 г. 0,58 ведра (1 ведро = 12,3 л.), в 1898 г. - 0,50 ведра. За это же время в остальных местностях потребление водки возросло с 0,58 до 0,63 ведра. Как важное последствие реформы отмечалось, что несколько повысилась платежеспособность населения, улучшилась собираемость налогов. Позднее министерство несколько скорректировало свои расчеты, согласно которым среднее по империи ежегодное душевое потребление водки за 1895-1900 гг. составляло стабильно 0,51 ведра. Однако по Европейской России оно за 1897-1899 гг. по сравнению с 1895-1896 гг. несколько возросло - с 0,57 до 0,60 ведра. За это же время оно сократилось в Польше (с 0,46 до 0,41 ведра) и заметно увеличилось в Сибири (с 0,29 до 0,51 ведра).

Для борьбы с пьянством были расширены полномочия губернаторов и управляющих акцизными сборами по надзору за водочной торговлей, учреждены особые попечительства о народной трезвости (закон 20 декабря 1894 г.). К 1899 г. были учреждены 18 губернских, 6 особых и 184 уездных попечительств, антиалкогольную кампанию на местах возглавляли более 5,3 тыс. участковых попечителей, объединявшие усилия 20,5 тыс. членов-соревнователей, среди которых были представители и местной администрации, и духовенства, и общественности (врачи, фельдшеры, учителя). В результате деятельности попечительств только в 1898-1899 гг. в 25 губерниях было устроено 1715 чайных, 998 читален, организовано лишь за один 1898 г. около 5280 народных чтений, театральных представлений, народных гуляний и т.п. К этому времени попечительства располагали капиталом в 3,7 млн. руб.

Министерство финансов в 1897-1898 гг. неоднократно обращалось к губернаторам, архиереям и различным представителям местных властей и общественности с просьбой дать отзыв о результатах проводимой реформы. Такие отзывы, отмечавшие некоторый позитивный сдвиг в санитарно-гигиениче-

ской ситуации, сокращении преступности на почве пьянства, некоторое улучшение с казенными платежами и рост вкладов в сберегательные кассы, действительно поступали, и министерство, борясь с нападениями на реформу, издало даже специальную книгу - "Отзывы о результатах введения казенной продажи напитков, поступившие в министерство финансов от начальников губерний и других лиц" (СПб., 1901). Это, конечно, не оградило реформу и ее инициаторов от новых критических стрел оппонентов. Но были и сторонники винной монополии, отмечавшие ее позитивные последствия для "улучшения народной нравственности". И.И. Толстой - министр просвещения в первом, виттевском кабинете - позднее отмечал в своем дневнике: "Удачно и смело проведенная им казенная продажа алкоголя, хотя и не прибавила листьев к его лавровому венку, дала, однако, возможность провести с молниеносною быстротою народное отрезвление - результат, им самим несомненно непредвиденный в этой форме, хотя он с самого начала подчеркивал, что монопольная продажа спиртных напитков дает в руки правительства абсолютную власть регулировать потребление водки".

Конечно, реформа в чем-то, видимо, улучшила ситуацию с потреблением водки, но в целом она не искоренила и не могла искоренить такое социальное зло как пьянство, давно уже ставшее для России серьезной проблемой. К тому же если введение винной монополии происходило под лозунгом борьбы с пьянством, то уже вскоре само Министерство финансов стало утверждать, что быстрое увеличение потребления водки является не несчастьем, а показателем роста народного благосостояния. Более ощутимы были ее экономические последствия. Во-первых, она способствовала более устойчивому пополнению государственного бюджета. Удельный вес доходов от производства и продажи спиртоводочных изделий, при достаточно быстром абсолютном росте всех его доходных статей, достигал в конце 90-х - начале 900-х гг. около 30% всех бюджетных поступлений. Во-вторых, реформа привела к расширению и укреплению регулирующей роли государства в сфере экономики, предоставив ему дополнительные рычаги как для аккумуляции средств, так и для регулирования объемов и условий производства и сбыта продукции винокурения. В-третьих, она способствовала становлению и развитию ряда новых отраслей промышленности, связанных с очисткой спирта, изготовлением вино-водочной продукции и ее реализацией.

Витте оказался и у истоков казенной сахарной нормировки, введенной правительством в 1895 г. Сахарная промышленность вообще выросла в России под защитой государственного протекционизма. Таможенные пошлины на сахар всегда были высоки, а по тарифу 1891 г. достигали 130% к издержкам производства. Внимание правительства к этой отрасли обуславливалось как особым покровительством в отношении "благородных" владельцев сахарных заводов (отрасль традиционно считалась дворянской), так и фискальной заинтересованностью - доходы от акциза с сахара занимали второе место (после питейных сборов) среди косвенных налогов. Высокие цены на сахар, изначально характерные для России, позволяли увеличивать и размер акциза, вся тяжесть которого ложилась на потребителя. Именно с целью сохранения высоких цен на внутреннем рынке правительство устанавливало вывозные премии, предусматривало возврат акцизов при экспорте сахара. Владельцы заводов широко пользовались кредитами Государственного банка, особенно в кризисные годы. Скрытой льготой им служила и система взимания акциза, который уплачивался не при выпуске продукции, как в других отраслях, а спустя некоторое время после ее реализации, что давало возможность держать в обороте предприятий казенные средства. Не случайно Витте признавал, что "покровительство промышленности сахарной истекало не из чувства и не из стремления правительства как промышленника, а скорее из чувства и стремления правительства как агрария".

В условиях узости внутреннего рынка периодически возникали кризисы перепроизводства. Заводчики неоднократно обращались к правительству с просьбой о нормировке производства, но оно хотело возложить эту функцию на самих производителей. В 1887 г. возник Союз сахарозаводчиков - одна из первых российских монополистических организаций картельного типа, попытавшаяся ограничить выпуск сахара на внутренний рынок. Однако объединение оказалось непрочным, постоянно подрывавшимся внутренними распрями и возникавшими заводами-аутсайдерами. В 1893 г. Витте созвал совещание сахарозаводчиков, на котором предложил продлить соглашение и расширить круг его участников. Однако усилившаяся под влиянием высоких цен и благоприятной конъюнктуры борьба за квоты внутри союза позволила лишь ненадолго продлить соглашение, но не спасла его от развала (1895 г.). В результате к середине 90-х г. отрасль оказалась на пороге очередного кризиса перепроизводства. В этих условиях Министерство финансов взяло на себя инициативу регулирования ее деятельности. Закон 20 ноября 1895 г. "О некоторых мерах относительно сахарной промышленности" ввел нормирование выпуска сахара на внутренний рынок и цен на него. Сущность нормировки, по определению финансового ведомства, состояла в ограждении внутреннего рынка от поступлений сахара сверх определенной нормы, что достигалось обложением излишков дополнительным акцизом, и защите потребителей от чрезмерного

роста цен путем выпуска на рынок неприкосновенных в обычное время запасов. Функции же развалившегося Союза отчасти взяло на себя возникшее в 1897 г. Всероссийское общество сахарозаводчиков. В результате выработка сахара с 42 млн. пуд. поднялась к 1900 г. до 48,2 млн. пуд., потребление его возросло с 27,8 млн. пуд. до 36,5 млн., а поступление доходов в бюджет от сахарного акциза и патентного сбора - с 42,7 млн. руб. до 67,5 млн.

Однако предпринятые меры не вполне достигли ожидавшихся результатов. За 1896-1903 гг. число предприятий в отрасли возросло на 20%, а производство сахара - на 62%. Это мало сказалось на душевом потреблении, которое в России оставалось одним из самых низких в Европе, зато размер излишков, не нашедших сбыта на внутреннем рынке, составил 21,6 млн. пуд.. И наряду с казенной нормировкой и акцизным законодательством правительство предприняло меры по ограничению притока капиталов в отрасль путем детальной регламентации системы акционерного учредительства. Дело в том, что казенная нормировка создала высокую и устойчивую прибыль в отрасли, и это вело к переливу в нее капиталов и соответственно - к расширению производства. На рубеже XIX-XX вв. подавляющая часть новых и большая часть старых крупных заводов функционировали на акционерных началах. В 1899/1900 гг. из 268 действовавших предприятий более половины были акционированы. Стремясь ограничить приток капиталов в прибыльную отрасль и тем ограничить рост производства сахара, правительство ввело в 1900 г. временные правила для вновь учреждаемых акционерных компаний, согласно которым им разрешалось выпускать акции и паи ценой не менее 1 тыс. руб. (при обычной цене акций промышленных предприятий и банков в 250 руб.). Но и это не могло сдержать роста производства. И тогда законом от 12 мая 1903 г. "Об изменении и дополнении действующих узаконений в сахарной промышленности" ограничение выпуска сахара на внутренний рынок было дополнено непосредственным нормированием его производства в масштабах всей отрасли и в отношении к каждому предприятию. С этой целью назначалось "общее, нормальное (полезное) производство", рамками которого ограничивалось производство сахара в стране. Оно включало "свободный" сахар для внутреннего рынка, еще более урезанный в сравнении с предыдущими годами, неприкосновенный запас и сахар для экспорта. Непосредственное нормирование производства достигалось распределением общего производства пропорционально средней годовой производительности каждого завода. В 1900 г. был издан закон о постепенном подчинении в течение 5 лет всех предприятий отрасли общим правилам уплаты акциза путем ежегодного увеличения взносов до полной суммы акциза, вследствие чего заводоладельцы лишались скрытого казенного кредита, а отрасль была подчинена общим правилам налогообложения.

Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. государственное регулирование сахаро-песочного производства через правительственную нормировку, акцизное и акционерное законодательство охватывало все стадии производства и сбыта сахара на внутреннем рынке и отчасти его экспорт. Вывоз сахара, часто по демпинговым ценам, не был особенностью России. Поощрение сахарного экспорта за счет возврата акциза, а также прямыми и скрытыми премиями было характерно для всех сахаропроизводящих стран Европы - Германии, Франции, Австро-Венгрии, - которые всеми способами стремились к завоеванию сахарного рынка, широко используя демпинговые цены за счет повышения цен на внутреннем рынке. Была заключена конвенция (Брюссель, 1902), представлявшая собой попытку регулирования производства и экспорта сахара в международных масштабах и имевшая целью повышение мировых цен и приближение их к ценам внутренних рынков. Россия, в силу технической отсталости и неконкурентоспособности большинства заводов, в этой конвенции, как и в попытках создать в 1903 г. международный сахарный картель, не участвовала. В результате она потеряла европейские рынки и вынуждена была осваивать рынки Финляндии, Персии, Китая, Афганистана и Турции, которые заняли доминирующее место в ее экспорте. За этот счет ей с трудом удалось удержать среднегодовые размеры вывоза на уровне 1895-1902 гг. (8,7 млн. пуд.). К конвенции она вынуждена была все же присоединиться, но это произошло позднее - в августе 1907 г. В результате российским сахарным магнатам удалось не только сохранить крайний протекционизм и казенную нормировку с неизбежным при этом премированием экспорта, но и удержаться на мировом сахарном рынке, а Министерство финансов обеспечило устойчивый рост поступлений в бюджет.

Последствия правительственной нормировки были неоднозначны. С одной стороны, постепенно ликвидировался фаворитизм в отношении старых заводов и их титулованных владельцев, являвшийся проявлением сословных привилегий, устанавливался ценовой предел, ограничивавший засилье монополий, создавался механизм сдерживания перепроизводства сахара, сахарный экспорт становился одним из орудий решения внешнеполитических задач, а акцизные отчисления и патентные сборы в условиях регулируемого производства оказывались как бы застрахованными от случайностей. С другой стороны, нормировка все же ставила старые заводы в более выгодные условия как созданием формальных препятствий для возникновения новых, особенно акционерных предприятий, так и определением квот

производства в соответствии со средней годовой производительностью заводов, что ко всему прочему существенно тормозило технический прогресс отрасли. Высокие цены на внутреннем рынке, покрывавшие демпинговые убытки экспорта, сдерживали потребление сахара в стране и тяжелым грузом ложились на потребителей. В целом же казенная сахарная нормировка не решила проблему производства и сбыта сахара, вызывая все большее недовольство широких слоев общества.

Итак, за десятилетие виттевского министерства (1894-1903 гг.) суммарный государственный бюджет России почти удвоился: доходная его часть увеличилась с 1 232,7 млн. до 2 207,8 млн. руб., т.е. в 1,8 раза или почти на 1 млрд. руб., расходная - с 1 155,1 млн. до 2 107,8 млн. руб. Средний ежегодный прирост доходов составлял 97 млн. руб. - против 28,4 млн. за предыдущие 15 лет. Витте удалось не только достичь прочного положительного сальдо обыкновенных доходов и расходов, но и добиваться в некоторые годы (1894, 1899, 1901, 1903 гг.) ликвидации хронического дефицита суммарного бюджета. Обыкновенный бюджет за все эти годы сводился с превышением доходов над расходами, за счет чего была получена так называемая свободная наличность, составлявшая весьма значительную по тем временам сумму в 1,8 млрд. руб. В результате Россия приобрела в глазах мирового сообщества репутацию надежного, кредитоспособного партнера, что позволяло ей заключать внешние займы, в отличие от прежних лет, на сравнительно более благоприятных условиях. Более того, Витте стремился к тому, чтобы все чрезвычайные расходы покрывались за счет доходов обыкновенного бюджета. Во всеподданнейшем докладе о росписи на 1901 г., защищая необходимость иметь "свободную наличность", он настаивал на том, чтобы покрытие чрезвычайных расходов не происходило за счет внешних займов, ибо это было бы "неблагоразумно для России, обремененной крупным долгом, немалая доля которого размещена за границей". По его мнению, "увеличение задолжности, без существенной к тому необходимости, поставило бы наше государственное хозяйство на опасный путь". Прочное финансовое положение страны способствовало также увеличению притока иностранных инвестиций в ее экономику, а правительству предоставляло возможность вести активную экономическую политику.

Меры по укреплению бюджетно-финансового хозяйства страны, разработанные Министерством финансов и с успехом реализованные его главой, как правило, не ограничивались решением сугубо фискальных задач и были по своему замыслу многоплановыми. В ходе реформирования таможенной системы модернизировалась вся российская внешнеторговая политика, перешедшая от сугубо охранительно-покровительственной системы к конвенционной, что ставило Россию в положение партнерства с передовыми странами Запада. Высокие таможенные пошлины способствовали увеличению прямых иностранных инвестиций в российскую экономику, что в какой-то мере смягчало острую нехватку капиталов и облегчало использование технического и организационного опыта передовых капиталистических стран. Денежная реформа, стабилизировав курс рубля и упорядочив денежное обращение, еще более укрепила позиции России на международном рынке, сделала ее экономику открытой, подвела прочную базу под отечественное предпринимательство. Реформы Витте в области налогообложения предусматривали отмену феодальных по своей природе подушных форм обложения податного населения и введение новых, буржуазных принципов взимания налогов (квартирный, единый поземельный, подоходный и т.п.). Хотя последние в полной мере так и не были реализованы и не сыграли решающей роли в увеличении доходных статей бюджета, они в целом способствовали сохранению щадящего режима обложения в сфере предпринимательства, стимулировали активизацию последнего, предоставляли возможность реинвестировать часть прибылей в расширение производства, ускоряли процесс формирования новой, буржуазной структуры российского общества. И, наконец, введение Витте государственной вино-водочной монополии и сахарной нормировки имели целью не только упорядочить и увеличить поступления в казну доходов от наиболее значимых для бюджета отраслей народного хозяйства, но попытаться путем государственного регулирования повлиять на процесс развития этих отраслей и на формирование внутреннего рынка.

В целом, по наблюдению исследователей, при абсолютном росте прямых и косвенных налогов, составлявших в сумме около 60% всех бюджетных поступлений, их удельный вес среди последних постепенно падал в связи с ростом доходов от казенного хозяйства, от продажи части государственных имуществ, от правительственных регалий и т.д. В процентном отношении к общей сумме налогов доля косвенных налогов росла (с 75% в 1894 г. до 77% в 1900 г.), а прямых соответственно падала - с 16 до 13%. Громадное увеличение косвенного обложения лишь отчасти было вызвано ростом потребления населения. Именно этим обычно объяснял Витте быстрый рост поступлений от косвенных налогов, пытаясь доказать отсутствие налогового переобременения широких народных масс. Главной же причиной роста доходов по этим статьям фактически были постоянный рост цен на товары массового спроса и увеличение налоговых ставок - таможенных пошлин, акцизов и т.д. Все это тяжелым бременем ложилось на на-

селение, подрывая его платежеспособность, сужая потребительский рынок и обостряя социальную напряженность в стране.

Примечания

' Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996; Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984; Ляшенко П.И. История народного хозяйства в СССР. Т. 2. М., 1952; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981 и др.

Водовозов В.В. Граф Витте и император Николай II. Пг., 1922; Лутохин Д.А. Граф С.Ю. Витте как министр финансов. Пг., 1915; Финн-Еннотаевский А.Ю. С.Ю. Витте как экономист. [Б.м, и г.]; Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8; Боханов А.Н. С.Ю. Витте // Российские реформаторы. XIX-начало XX в. М., 1995; Игнатьев А.В. С.Ю. Витте - дипломат. М., 1989; Корелин А.П. С.Ю. Витте // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991; Корелин А.П., Степанов С.А. Реформы С.Ю. Витте и модернизация России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. №4; их же. С.Ю. Витте - финансист, политик, дипломат. М., 1998; Т.Н. von Laue. Sergei Witte and the industrialization of Russia. New York, London, 1963; Mehiinger H.D., Tompson J.M. Count Witte and the tsarist Government in 1905 Revolution. Blomington, London, 1972; Marks S.G. Road to Power, The Trans-Siberian Railroad and colonization of Asian Russia. 1870-1917. London, 1991. Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1901 г. СПб., 1902. С. 130. Лутохин Д.А. Граф С.Ю. Витте как министр финансов. Пг., 1915. С. 6. ' Полное собрание законов Российской империи Собр. III (ПСЗ. III). Т. IV. № 1012. Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1896 г. СПб., 1896. С. 2; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1899 г. СПб., 1900. С. 6; То же за 1903 г. СПб., 1904. С. 7. " Сборники сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. СПб., 1902. С. XXXIII;